№ 6 1994

© 1994 г. П.И. КУЗНЕЦОВ

СИСТЕМА УЗКОВОКАЛИЧЕСКИХ ФОРМАНТОВ В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ – СРЕДНЕАЗИАТСКОТЮРКСКОМ – ОСМАНСКОМ – ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

0. Известно, что в каждом тюркском аффиксе обычно варьируются либо только узкие гласные (*ı, i, u, ü*) либо только широкие (*a, e*; в отдельных языках, например в якутском, киргизском, также *o, ö*). В настоящей статье нас интересует первая группа аффиксов, образующая систему, развитие которой (в некоторых регионах тюркоязычного мира) получило противоречивую трактовку специалистов, причем предлагаемые решения оставляют место для иных подходов к проблеме*.

1. Система узковокалических морфем древнетюркского языка. В соответствии с членением узких гласных на узкие негубные (*ı, i*) и узкие губные (*u, ü*) в древнетюркском языке (как в руни́ческих, так и древнеуйгурских памятниках) существовали две группы аффиксов, в одной из которых, независимо от характера гласного предшествующего слога (губной–негубной), были представлены только негубные гласные (*нгб*), а в другой – только губные (*гб*). Назовем первую группу и л л а б и а л ь н о й, или *I*-группой, вторую – л а б и л ь н о й, или *U*-группой.

А. Бомбачи, основываясь на данных грамматики А. фон Габэн [1], насчитал в древнетюркском языке свыше десяти формантов, входящих в *I*-группу [2, с. 92]. В их числе должны быть названы: 1. (*I*-1) + *çI* (аффикс (афф.) имени деятеля), 2. *+nI* (афф. винительного падежа), 3. *+(s)I* (афф. принадлежности 3 лица), 4. *-mIş* (афф. второго прошедшего, или прошедшего неочевидного, времени), 5. *-GIl/-KIl* (показатель повелительного наклонения /2 л. ед. числа/), 6. *-GAll/-KAll* (деепричастный афф.) и другие (*+KI, +sIG, +dIn/+tIn*...).

Свыше пятнадцати формантов входило в *U*-группу. Назовем следующие: 1. (*U*-1) *-tUK/-dUK* (афф. имени действия), 2. *-tUr/-dUr-* и *-Ur-* (афф. понудительного залога), 3. *-zUn/-çUn/-sUn* (показатель 3л. императива), 4. *-Ur/-yUr*, 5. *-U/-yU* (показатели аориста и слитного деепричастия, которые, правда, имели и варианты с широким гласным – соответственно *-Ar* и *-A*). К этим пяти аффиксам можно было бы подключить несколько менее употребительные: 6. *+KArU/+GArU* (афф. направительного падежа), 7. *-yUK* (афф. третьего прошедшего времени), 8. *mU* (вопросительная частица) и другие.

---

* Мы используем в этой статье систему транскрипции, применяемую турецкими лингвистами. Здесь знак *ı=ы* (академической транскрипции на базе русского алфавита), *ğ=ɣ* (веляризованный фрикативный *г*), *ḳ=к* (задненебный), *ñ=н*, *ç=ч*, *c=gж*, *ş=ш*, *j=ж*, *y=й*; остальные знаки разъяснений не требуют. При обозначении аффиксов могут использоваться прописные буквы *K, G, C, D, T, A, I, U*, причем *K* соответствует в этом случае как задненебному (*ḳ*), так и средненебному (*k*) вариантам согласного, *G* – также двум вариантам согласного, *C* – как глухой (*ç*), так и звонкой (*c*) аффрикатам, *D* (или *T*) – обоим этим смычным (звонкому и глухому); прописное *A* обозначает широкий негубной гласный (*a* или *e*), *I* – узкий негубной (*ı* или *i*), *U* – узкий губной (*u* или *ü*). Значок ° используется тогда, когда характер узкого гласного (губной–негубной) не уточняется. Аффиксу, присоединяемому к именным основам, предпосылается знак +, а присоединяемому к глагольным основам – знак –; знак ± (или ∓) означает возможность использования аффикса как после именных, так и после глагольных основ. Знак –, помещенный после аффикса, говорит о том, что данный аффикс не является конечным в словоформе. При цитировании сохранена транскрипция цитируемых авторов.

Существовала, однако, и третья группа аффиксов – может быть, наиболее представительная (А. Бомбачи называет не менее двадцати формантов), – на которую распространялся закон гармонии гласных по линии лабиальности-иллабиальности (не говоря уже, конечно, о палатально-велярном притяжении). К этой группе, которую можно назвать "сингармонической", или *X*-группой (обозначая символом *X* любой требуемый законом гармонии узкий гласный), относились такие форманты, как 1. (*X*-1)-*Xl*-, 2. -*Xn*-, 3. -*Xş*- (показатели страдательного, возвратного и совместного залогов), 4. -*Xş* (афф. глагольного имени), 5. ^{+}XG (афф. вин. падежа), 6. $^{+}nX\tilde{n}$ (афф. род. падежа), 7. $^{+}(X)m$, 8. $^{+}(X)\tilde{n}$, 9. $^{+}(X)mXz$, 10. $^{+}(X)\tilde{n}Xz$ (афф. принадлежности 1 и 2 лиц ед. и мн. чисел), 11. -(*X*)*p* (деепричастный афф.), 12. ^{+}lXG, 13. ^{+}sXz, 14. ^{+}lXK (отыменные словообразовательные аффиксы), 15. -(*X*)*ñ* (афф. 2 л. мн. ч. императива), 16. -(*A*)*lXm* (афф. 1 л. мн. ч. императива) и другие, менее употребительные.

Особо следует сказать о показателе первого прошедшего времени. Форма 3 лица должна быть отнесена к *I*-группе (*-dI/-tI*), формы же двух других лиц (обоих чисел) – к *X*-группе: *-dXm/-tXm*, *-dXmXz/-tXmXz*, *-dXñ/-tXñ*, *-dXñXz/-tXñXz* (Ср., например, форму ***boltum*** "я сделался" памятника № 45 /из Кежилиг-хобу/ [3, с. 81], многочисленные формы типа *urtumuz* (ст. 98), ölürdümüz (ст. 99), *išlädimiz* (ст. 111, сн. 213), *qïltïmïz* (ст. 114, сн. 226) из "Хуастуанифта" [4, с. 220, 221] и другие); Ф.Т. Тимурташ не прав, относя названные формы к *I*-группе [5, с. 117].

Таким образом, можно видеть, что уже в древнетюркском языке принципы не только палатальной, но также и губной (лабиально-иллабиальной) гармонии достаточно строго выдерживались весьма значительной группой формантов. Впрочем, отмечались и отклонения. А. Бомбачи говорит об аффиксах *X*-группы *+lXG*, *+sXz*, которые допускали колебания, в частности, в пользу негубного варианта; получал в отдельных случаях (правда, в сравнительно позднее время) губные варианты формант *I*-группы *-mIş*, негубные варианты формант *U*-группы *-Ur* и т.д.

1.1. О п р о и с х о ж д е н и и а ф ф и к с а л ь н ы х м о р ф е м. Возникает закономерный вопрос: если на значительную часть аффиксов в полном объеме распространялись принципы сингармонизма; то чем объяснить факт игнорирования лабиально-иллабиальной гармонии формантами первой и второй групп? А. фон Габэн указывала, что гласный *i* в аффиксе принадлежности 3 лица (см. *I*-3) объясняется происхождением этой морфемы из самостоятельного слова – местоимения того же лица [6, с. 106]. Точно так же формант императива *-GIl* (*I*-5), как разъясняли многие авторы, начиная с акад. В.В. Радлова, имеет своим этимоном глагол *ḳıl* в повелительной форме ("действуй!") [7, с. 91; 2, с. 96; 8]. По-видимому, и другие аффиксы первой и второй групп отделились от своих этимонов в сравнительно недавнюю эпоху (по отношению ко времени создания древнетюркских памятников) – иначе трудно объяснить в одних случаях ясную лабиальную, а в других четкую иллабиальную "окраску" этих формативов на фоне "индифферентности" формантов третьей группы. Конечно, и представители этой последней группы должны были, если верна старая теория агглютинации, восходить к каким-то корневым словам (часть этих слов содержала губные гласные, другая часть – негубные), но скорее всего процесс расподобления в этом случае происходил в значительно более далекую эпоху. Во всяком случае не вызывает сомнения, что каждый форматив – к какой бы группе он ни относился – в своем исходном виде имел всего один фонетический "вариант" (т.е. представлял собою первоначально не аффикс, а служебное слово), и этот исходный вариант должен всегда браться в расчет исследователем, хотя в том или ином случае его предположение может и не подтвердиться последующими разысканиями.

2. Система узковокалических морфем в староосманском языке. Староанатолийско-турецким (или староанатолийско-тюркским, старотурецким, староосманским) обычно называют турецкий (османский) язык XIII–XV вв. [5, с. 96; 9, с. 193; 10, с. 13]; позже

он переходит в "классический" османский язык (XVI–XVIII вв.). Дальнейшая периодизация в рамках затронутой здесь темы интереса не представляет.

В староосманском языке (и, шире, в западноогузском), как и в древнетюркском, выделяются три группы узковокалических морфем, т.е. морфем *I/U*-класса. Различие состоит лишь в том, что третья (сингармоническая) группа в староосманском языке необычайно сузилась, почти распалась, а вторая, лабиальная, т.е. *U*-группа предельно расширилась, так что губной сингармонизм стал, собственно говоря, фикцией и, как пишет М. Эргин, речь можно вести лишь о (губной) "дисгармонии гласных" [11, с. 391]. Разумеется, о "сужении", "распадении" или "расширении" групп здесь говорится условно, поскольку отнюдь не доказано и даже весьма сомнительно, что древнетюркский язык являлся непосредственным предшественником староанатолийско-турецкого или хотя бы западноогузского языка. Непосредственными их предшественниками являлись, по-видимому, диалекты, которые не нашли отражения (прямого) в рунических и древнеуйгурских памятниках.

Первая группа аффиксов в старотурецком языке (соотносительно с древнетюркским) осталась почти без изменений; в нее включаются аффиксы 1. *+çI* (см. *I*-I), 2. *+(n)I*, 3. *+(s)I*, 4. *-mIş*, 5. *-GIl*, 6. *-AIl* (например: *işideli* [12, с. 246] "с тех пор, как услышал"). Пополнилась эта группа пожалуй, только вопросительной частицей ***mI*** [например, в "Evliya Çelebi seyahatnamesi" (XVII в.) встречаются формы ***olur mı***, ***okunur mı*** [13, с. 84, 87]; то же и в текстах XV в. [5, с. 119]], которая в древнетюркском языке входила в *U*-группу (см. [14, с. 61_5, 62_{14}, 203_{25}]), и возникшими на месте личных местоимений (*sen*, *siz*) предикативными аффиксами 2 лица ед. и мн. числа: 8. *±sIn*, 9. *±sIz* [5, с. 120, 121] (*±sInIz*), которые, впрочем, в некоторых памятниках тоже огубляются (см., например, такие словоформы, как ***eylemişsüz***, ***olmıyasuz*** и т.п. в тексте конца XV-начала XVI вв. [12, с. 234]).

Во вторую группу входили в старотурецком языке: во-первых, все аффиксы, которые составляли эту группу в древнетюркском, т.е. 1. (*U*-I) *-dUK/-tUK*, 2. *-dUr-/-tUr-* и *-Ur-*, 3. *-sUn*, 4. *-Ur* и 5. *-U*; во-вторых, ряд морфем, которые в древнетюркском включались в третью (сингармоническую) группу. Это: 6. *+(n)Uñ* (см. *X*-6), 7. *+Um*, 8. *+Uñ*, 9. *+(U)mUz*, 10. *+(U)ñUz*, 11. *-Up*[1], 12. *+lU*, 13. *+sUz*, 14. *-AlUm* (см. *X*-16), 15. *-Uñ*. В этот же ряд вошли не известные древнетюркскому языку форманты 16. *+cUK/+çUK* (диминутивный афф.), 17. *+dUr/+tUr* (афф. сказуемости 3 лица), 18. *-mAlU* (показатель долженствовательного наклонения), 19. *-(v)Uz* (предикативный афф. 1 л. мн. ч.). Кроме того, сюда же следует включить 20. морфемосочетания *-dUm* (т.е. *-dU-m* или *-d-Um*), *-dUñ*, *-dUK*, *-dUñUz* (формы 1-2 лиц первого прошедшего /категорического/ времени), которые в древнетюркском подчинялись закону губной гармонии.

О сингармонической группе в старотурецком языке говорить затруднительно. Лишь аффикс *+lXK* и залоговые показатели имели губные и негубные варианты (например: *-Il-/-Ul-*), но и в них лабиально-иллабиальная гармония нередко нарушалась – чаще, пожалуй, в пользу негубного варианта (хотя иногда и наоборот) [16, с. 70; 17, с. 49; 9, с. 200; 10, с. 35, 36].

Иллюстрируем сказанное на примере памятника начала XIII в. "Kitâbu Evsâfı..." Ахмеда Факиха [18]. Здесь представлены аффиксы, подлежащие включению в U-группу: 1. *-AlUm*, 2. *+CUK*, 3. *-DUm* (издатель поэмы – проф. Х. Мазыоглу – зафиксировала одно исключение: *adımladım* 39 b), *-DUñ*, *-DUK*..., 4. *-DUK-* (имя действия), 5. *-DUr-* (фактитив), 6. *-DUr* (афф. сказуемости 3 л.), 7. *+lU* (адъективный афф.; и здесь одно исключение: *bucaklıdur* 88 b), 8. *+(n)Uñ* (афф. род. п), 9. *-sUn* (3 л. импе-

---

[1] Согласно Ф.К. Тимурташу, гласный этого аффикса "со времени древнетюркского языка губной" [5, с. 114]. Это утверждение недоказуемо. В памятнике Моюн-Чуру [15, с. 30, 34], в "Хуастуанифте" [4, с. 220 сл.], в "Кутадгу билиг" и других памятниках аффикс *-°p* подчиняется закону гармонии гласных [1, с. 120].

ратива), 10. *-U* (деепричастие), 11. *+Um* (афф. принадлежности 1 л. ед. ч), 12. *+UmUz*, иногда *+ImUz* (*fikrimüz* 194 a; афф. принадлежности 1 л. мн. ч), 13. *+Uñ* (афф. принадлежности 2 л. ед. ч), 14. *-Uñ* (форма 2 л. императива), 15. *-Up* (деепричастие; мы насчитали три исключения: *çagırıp* 13 b, *gidipdür* 46 b, *gelip* 130 a), 16. *-Ur* (аорист; форм с широким гласным очень мало), 17. *-(A)vUz* (форма 1 л. мн. ч. /оптатива/). Кроме того эпизодически встречается (18) предикативный афф. 1 л. ед. ч. с губным гласным, например: *dirüm* 106 b. По крайней мере половина названных аффиксов (*-AlUm*, *-DUm...*, *+lU*, *+(n)Uñ*, *+Um*, *+(U)mUz*, *+Uñ*, *-Uñ*, *-Up*) входила в древнетюркском языке в *X*-группу.

Те же аффиксы, представляющие *U*-группу, исключая не встретившийся здесь афф. *+CUK* (*+CIK*?), обнаруживаем в поэме начала XV в. "Hüsrev ü Şirin" турецкого поэта (ум. в 1431 г.) Шейхи – см. их список в [16, с. 69, 70]. Автор издания Ф.К. Тимурташ констатирует, что залоговые аффиксы и форма на *+lXK*, которые во многих староосманских памятниках образуют *X*-группу, здесь имеют в основном негубные варианты (*örtile*, *urındı*, *sorışdı* и т.п.) [16, с. 70]. Таким образом, фактически приходится говорить лишь о двух группах аффиксов – иллабиальной и лабиальной, причем последняя явно доминирует.

Давно уже поставленный этому явлению диагноз – лабиальный сдвиг в системе аффиксальных морфем с узкими гласными – подтверждают и многие другие памятники турецкой литературы XIII–XV вв. Вопрос о причинах указанного сдвига предварим обследованием ситуации, сложившейся в отношении узковокалических аффиксов в языках среднеазиатского региона в первой половине второго тысячелетия н.э.

3. Узковокалические морфемы в средневековых тюркоязычных памятниках среднеазиатского региона. Известно, что для обширной языковой территории, которую здесь условно можно обозначить как среднеазиатский регион тюркских языков, в XIII–XV вв. (да и в последующее время) лабиализация формантов с узкими гласными была в общем не характерна (без учета, конечно, аффиксов, которые изначально относились к *U*-группе [см. 1.]). Однако этот тезис, по-видимому, нуждается в конкретизации. Для этого мы избрали несколько памятников, появившихся за пределами юго-западного (западно-огузского) региона: А) среднеазиатский "Т(ефсир)" (список XIII–XIV в. [19]), Б) "К(исекбаш китабы)" (XIII–XIV в. [20]), В) "М(ухаббат-наме)" (середина XIV в., 1353 г.) [21, с. 111 сл.; 22], Г) "Л(атафат-наме)" (первая половина XV в. [23]), Д) "О(гуз-наме)" (список XV в. [21, с. 11 сл.]). Обследованию подверглись следующие аффиксы и морфемосочетания: 1) *+n°ñ*, 2) *+°m*, *+°ñ*... (афф. принадлежности 1 и 2 лица), 3) *+l°G* и 4) *l°*, 5) *+s°z*, 6) *-°p*, 7) *-D°m*, *-D°ñ*..., 8) *-°l-*, 9) *-°ş-*.

Чтобы сократить изложение материала, приведем таблицу, отражающую результаты проведенного обследования. В таблице использованы символы, примененные ранее: *X* – если аффикс следует иллабиально-лабиальной гармонии, т.е. имеет четыре варианта, *U* и *I* – если аффикс имеет только губные (*U*) или только негубные (*I*) варианты; сбои в сторону огубления, разгубления или сингармонизации обозначаем строчными литерами (соответственно), *u*, *ı* и *x* (помещая эти буквы в скобки, когда сбои носят единичный характер). Если данный аффикс редко встречается в названном памятнике, то цифра в скобках уточняет количество его употреблений (см. Таблицу).

Таблица показывает, что лабиализованные (без негубных гласных) варианты аффиксов встречаются в памятниках в общем нечасто. Более всего они характерны для "Огуз-наме", причем дважды или скорее даже трижды (Д2, Д7 и Д3) вообще не имеют альтернативных вариантов (ср. Д3: *körüklügräk* 1_8, *atašlu* 7_4, *j̃allu* 17_6, 29_6, *kaŋanlu* 19_7, *kaŋalu* 32_8... при единственной форме с негубным гласным: *bašlı* 28_2). Между тем, язык сказания об Огузе не является, конечно, огузским А.М. Щербак расценивает его как "среднеазиатское диалектное ответвление

№	памятники / формы	А Т(ефсир)	Б К(исекбаш)	В М(ухабб.-н.)	Г Л(атаф.-н)	Д О(гуз-н.)
1	+n°ñ	I^{u}	I	$I^{(u)}$	$X^{ı,(u)}$	$X^{(ı)}$/U
2	+°m, °ß..	X	$X^{(ı)}$	$X^{(u)}$	$X^{(u)}$	U
3	+l°G	$X^{(u,ı)}$	–	X	X	$U^{(x)}$
4	+l°	$U^{(x)}$/I	i(X?) (2)	U(уйг.), $I^{(x)}$ (ар.)	(*ерикли*)	–
5	+s°z	X/I	–	I	X	I (2)
6	-°p	X	X	X	X	$X^{u,(ı)}$
7	-d°m, -d°ñ	X^{u}/I	X^{u}	X	$X^{ı}$	U
8	-°l-	$X^{u(ı)}$	(*kesil-*)	X	I(X?) (2)	X
9	-°ş-	$U^{x,ı}$	$X^{(u)}$(U?) (3)	(*кѳруш-*)	I(X?) (2)	(*уруш-*)

карлукско-уйгурского языка" [21, с. 105][2]; в нем даже меньше южных элементов, чем в языке "Мухаббат-наме" [21, с. 167; 22, с. 127], хотя в последнем лабиализованные формы почти не встречаются – только форма на *I°* в уйгурском (У) списке поэмы (см. В4): *кѳркӱсӓн* 16468, *татлу* 16664, *дудаклу* 172а6, *хішмӓтӱ* 17363... [21, с. 134 сл.]; ср. в арабском списке: *татлы сѳзли* 163, *дудагл ы* 366, *хәшәмәтли* 435 [22, с. 40 сл.].

4. О причинах лабиализации негубных гласных. Этот вопрос неоднократно поднимался и решался на материале староосманского языка, где лабиализация негубных гласных в грамматической части слова приняла особенно широкий размах (см. 2). Разумеется, следует четко разграничивать случаи л а б и а л и з а ц и и негубных гласных (причем лабиализация может быть иногда и чисто орфографическим явлением) и случаи исконной, т.е. этимологической, л а б и а л и з о в а н н о с т и гласных [25, с. 7; 9, с. 157]. Последняя позволяет предполагать наличие губного гласного в составе этимона, к которому восходит данный аффикс (см. 1.1.). Так, в аффиксах *-tUK/-dUK* (*U*-1), *-tUr-/-dUr-* (*U*-2), *-yUr/-Ur* (*U*-4) во всех тюркоязычных памятниках VIII–XV веков был представлен исключительно (или преимущественно) губной гласный, в связи с чем есть основания предполагать, что эти форманты восходят к глаголам (соответственно) *tükä-* "кончаться", *tur-* "(на)стоять", *yüri-* "ходить, двигаться" [26—28]. Аффикс *-tUK/-dUK*, согласно Словарю Махмуда Кашгари, является показателем прошедшего времени, а *-dI/-tI* – усеченный вариант этого аффикса. В связи с этим следует считать закономерной лабиализованность гласного в морфемосочетаниях *-dUm/-tUm* в сказании об Огузе (см. Табл., Д7 [21]: *болдум* 11_7, *аттум* 42_4, *аштум* 42_3, *ӧтӓдӱм* 42_6...).

То же можно сказать об аффиксе совместного залога в среднеазиатском "Тефсире". В статье о происхождении тюркских залоговых аффиксов мы высказали гипотезу, согласно которой аффикс совместного залога (*-Xş-*) восходит к глаголу *üş-* "стекаться, собираться", и далее говорилось: "К сожалению, с п е ц и а л ь н ы е п р и з н а к и, которые позволили бы подтвердить предлагаемую гипотезу – имея в виду, в частности, ожидаемое (в свете этой гипотезы) преобладание губных вариантов аффикса, – обнаруживаются редко и не могут приниматься в расчет" [29, с. 89]. Обследование среднеазиатского "Тефсира" позволило выявить эти "специальные признаки", поскольку в аффиксе *-°ş-* здесь явно преобладают губные варианты, т.е. *-üş-* и *-uş-*, хотя встречаются и отклонения в сторону гармонизации и даже делабиализации (см. Табл., А9; [19]: *аjдуш-* с. 45, *аjтуш-* с. 46, *баруш-* с. 91, *сӓwінӱш-* с. 265, *jетіліш-~jетілӱш-* с. 152, *ӧлӱш-* с. 245, *ӱстӓріш-* с. 341, *токіш-~токуш-* с. 307; *отурӱш-* с. 240). Губной гласный представлен также в трех формах совместного

[2] Так, падежные формы демонстрируют здесь элементы уйгурско-кыпчакского и карлукского типов, но, безусловно, не огузского типа склонения (см. [24, с. 52, 54, 44]).

залога сказания о Кисекбаше, правда дважды после губных гласных корня (Б9; [20]: *durušalım* 2, *körüštiler* 251, *čaqrušdylar* 141).

Залоговые аффиксы *-TUr-* и *-Uş-* могли оказывать "огубляющее" воздействие на аффикс страдательного залога (*-°l-*) (ср. в "Тефсире": *imÿл-* с. 127, *käcіл-~käcÿл-* с. 175, 176), хотя и этот аффикс, восходящий, по нашему предположению, к глаголу *ķıl-* "делать" [29, с. 85–88], мог в свою очередь содействовать делабиализации узкого гласного аффикса совместного залога.

Если лабиализованность аффикса *-Uş-* и морфемосочетания *-DUm-* представляется закономерной, то этого нельзя сказать о пяти или шести других случаях, где засвидетельствован тот же феномен (см. Табл., Д1 – 3, А4, В4, Дб). Аффикс родительного падежа (*n°ñ*) естественным образом возводится к существительному *neй* "вещь, достояние" (гипотеза Р. Ш о у [30, с. 260], нуждающаяся лишь в некоторых уточнениях). Аффикс принадлежности *+°m* явно восходит к личному местоимению *ben/men* "я" с отсечением конечных звуков. Гласный этого аффикса является промежуточным (соединительным) и он мог бы быть широким или узким, мог легко поддаться воздействию лабиально-иллабиальной гармонии, но для его лабиализации должны существовать какие-то особые причины. То же следует сказать о соединительном деепричастии *-°p* (также *-°pAn/-°bAn*), этимоном которого, по нашему предположению, является глагол *ba-* "(при)соединять" (также *ban-*"присоединять к себе") [31]; гласный этого аффикса – хотя и без сомнений промежуточный – очень часто, особенно в староосманском языке, не имел негубных вариантов, т.е. относился к группе *U* (Правда, в древнетюркских памятниках и многих среднеазиатских рукописях этот гласный явно сохраняет статус соединительного. А.М. Щербак делает следующее примечание к словоформе *japïб*, "Огуз-наме" 1_4: "Написание *japaб* со своеобразной огласовкой морфологической части в тексте легенды не вызывает никаких сомнений. Подобная особенность свойственна языку енисейских надписей, манихейских памятников и более поздних текстов" [21, с. 64]).

Адъективный аффикс *+l°G → +l°*, очевидно, должен быть возведен к глаголу *sıġ-* "вмещаться" [32, с. 49], и утрата им негубных вариантов в отдельных памятниках и в старотурецком языке также нуждается в разъяснениях.

Эти разъяснения, даваемые тюркологами, сводились к трем моментам. Прежде всего отмечалось лабиализующее воздействие на гласные губных согласных *p, b. m, v.* Сейчас нелегко определить, кто из исследователей первый обратил на это внимание [33, § 45; 25, с. 43; 34, с. 83; 5, с. 110; 11, с. 387; 9, с. 198...]. Это наблюдение не вызывает возражений, хотя показательно, что названные согласные представлены в любом языке и диалекте, а огубляют соседние гласные они лишь в некоторых из них. В связи с этим интересно отметить, что, например, в "Латафат-наме" [23] согласный *м* оказывает лабиализующее воздействие только на п о с л е д у ю щ и й гласный и только когда за ним следует *ң* (да и то не во всех рукописях): *кімўң* 99-Л "чей, (у) кого" (К, С: *кімің*), *орамуң(ның)* 280 "твоя улица" (Л: *орамыңның*; 256-К: *орамың*); гласный, контактирующий даже с двумя *м*, не огубляется: *саламым* (150, 151, 152) "мой привет". Упомянутые словоформы (с губным гласным) встречаем и в других памятниках – Т [19]: *кімўң* с. 196, 179 (там же и *кімнің*), *арамуң* 141 (сноска издателя: У – *лучше*: *урамың* [22, с. 39]), *орамуң* 230. Более рельефно влияние губных согласных (включая *f*/ф/) прослеживается по памятникам староузбекского языка, обследованным Э.И. Фазыловым. В алфавитном указателе слов, помещенном во втором томе работы [35, с. 723 сл.], обнаруживаются следующие слова (около 20) с аффиксами *+лук, +суз, -ул-, -уш-*, в которых огубление гласного может объясняться воздействием губного согласного: *әдәбсузлук* 23, *арамлуқ* 125, *евлук* 162, *баднамлуқ* 217, *савуш-* 239, *сәвул-* 277, *сәвнуш-* 277, *за'ўфлуқ* 384, *имáмлуқ* 417, *йабул-* 455, *йабуш-* 456, *чабул-* 506, *қабуш-* 576, *қавуш-* 580, *қамлуқ* 593, *ҳарўфлуқ* 668, *ҳисабсуз* 679, *ғариблуқ* 689. И лишь в пяти случаях нарушение губной гармонии не может быть

объяснено указанной причиной: *эксул-* 142, *билуш-* 245, *сэвинчлук* 276, *дудакlу* 344, *та'атлуɣ* 372.

Другой причиной, вызывающей лабиализацию гласного, тюркологи считают падение ауслаутного согласного, особенно *ġ* [36, с. 157; 5, с. 110; 11, с. 387; 9, с. 198]. И это наблюдение подтверждается (с аналогичными оговорками): Т: *адлу* с. 39, *қімматлу* с. 208, *қанатлу* с. 219, *татлїɣ ~ татлуɣ ~ татлу* с. 289..., хотя здесь же: *көтүрүклі* с. 187, *дүрлі* с. 209, *көзлүɣ ~ көзлі* с. 182 (ср. также примеры в таблице, приводимой выше (пункт В4); в "Огуз-наме", впрочем, форма на *+l°G* лабиализовалась "до" падения конечного согласного (см. 3).

Возможность еще одной причины огубления гласных в грамматической части слова – огубления по аналогии [34, с. 84; 5, с. 117; 11, с. 387; 9, с. 198] – также постоянно должна иметься в виду. Этой причиной объясняют лабиализацию гласного адъективного аффикса *+s°z* в староосманском языке (влияние процесса, коснувшегося другого адъективного аффикса: *+lXG → +lU*). Выше мы видели, что сходный процесс частично имел место и в среднеазиатском регионе, но на аффикс *+sIz* (или *+sXz*) никакого воздействия не оказал.

5. Узковокалические морфемы в османском языке XVI–XVIII веков. Исследовавшиеся тюркологами транскрипционные тексты XVI и даже XVII века давали мало оснований говорить о наметившихся "новых" явлениях и тенденциях в том, что касается узковокалических морфем. Рассмотрим в связи с этим послание Сулеймана I Зигмунту Августу (середина XVI в.) и Турецко-латинский словарь-разговорник середины XVII в.

Сравнительно небольшое (45 строк) послание Сулеймана I (1551 г.) несет на себе печать давно укоренившейся и пока не сдающей позиций лабиализованности гласных. Исключительно губные варианты имеют здесь многократно употребляющиеся притяжательные аффиксы (*memleketlerum*, *askerum*, *beglerumus*, *vilayetumus*, *tarafunus*, *namenus*, *muradunuz*, *ademlerunus*...), а также аффикс сказуемости *-dur* (*buyurulmіštur*, *gerektur* и т.д.); единичный "сбой" при очевидном преобладании "правильных" (т.е. губных) вариантов допускает формант соединительного деепричастия (*warub*, *gelup*, *gonderup*, *donanup* и пр. при *itmeib*), фиксируются и другие лабиализованные аффиксы (*olmalu*, *erismedum*); пожалуй, лишь позиция губного варианта аффикса родительного падежа кажется несколько поколебленной (*tachtumen*, *kralen*, *padissachligumen*; но ср. *sizun* /четырежды/, *memleketlerumu(n)*, *benu(m)*, *anun*) [37].

Хотя рукописный словарь под названием "Illéshazy Nicolai Dictionarium turcico-latinum" был завершен в 1668 г. (т.е. через 117 лет после написания рассмотренного выше послания), трудно удостовериться в том, что лабиализованность узковокалических формантов пошла здесь на убыль. Об этом свидетельствует длинный список аффиксов, имевших по данным Словаря и его издателя И. Немета, только /или преимущественно/ губные варианты. Помимо аффиксов принадлежности (*szultanum*, *aklun*, *konagumuz*, *iolunuβ*...), родительного падежа (*dunianon*, *kralinun*...), аориста (*katlanurum*), прошедшего времени /формы 1 и 2 лиц/ (*aldum*, *szevduk* и проч.), повелительного наклонения /формы 3 л. ед. и 1 и 2 лиц мн. ч./ (*szevsun*, *gyidelum*, *kalunus*...), имени действия (*istedugun*) и именного словообразования (*tembelluk*; *kulakzuz*, *kuvetlu*), здесь должны быть названы еще предикативные аффиксы всех лиц (*korkarum*, *verursun*, *bundadur* и проч.) и даже залоговые показатели (*satul-*...). Только бывший всегда традиционно губным показатель понудительного залога допускает чередование губного гласного с негубным (*degistur-~degyister-*) [38].

Между тем столетие с небольшим спустя (в восьмидесятые годы XVIII века) турецкий язык демонстрирует уже идеально, без всяких сбоев действующий механизм палатально-велярной и иллабиально-лабиальной гармонии гласных, который в неизменном виде сохраняется до настоящего времени. Работа этого "механизма" описана в двух грамматиках конца XVIII века – Вигье (1790) [39] и Карбогнано (1794)

[40], хотя еще и в XIX веке многие авторы турецких грамматик (как, например, А. Жобер /1823, 1833/ или А. Дэвидс /1832, 1836/) проходили мимо сингармонизма гласных и продолжали навязывать своим читателям "огубленные" формы ряда аффиксов, т.е., как выразился М. Вигье, говоря о деепричастии на *-Ib*, "произношение рукописей" [39, с. 242].

6. Теории Г. Хазаи и Л. Юхансона. Неоправданная (с позиций сингармонизма) лабиализованность многих узковокалических формантов неожиданно, в XIII веке, возникает и не менее стремительно, в XVIII веке, сходит на нет. Эти процессы, особенно последний, требовали теоретического осмысления, которое и предложили работы хорошо известных в тюркологическом мире профессоров Г. Хазаи и Л. Юхансона.

Г. Хазаи, с исключительной тщательностью обследовавший появившиеся в 1672 г. транскрипционные тексты Якоба Надь де Харшани [41], занимает наиболее, казалось бы, естественную позицию, предполагая постепенное нарастание процесса ассимиляции в аффиксах, длительное время не подчинявшихся лабиально-иллабиальной гармонии. Так, он устанавливает, что, например, аффикс принадлежности 1 лица ед. ч. {+(*U*)*m*}[4], который в текстах XIII – XV вв. выступал почти исключительно в губных вариантах (+*um*, +*üm*), в середине XVII века имеет четыре варианта: */üm/*, */um/*, */ım/*, */im/*, причем вариант */üm/* засвидетельствован 32 раза, из них лишь 6 раз после губного гласного последнего слога, а вариант */um/* – 48 раз, в том числе 40 раз после гласного *a*; вариант *im/* фиксируется в 7 случаях (только после негубных) и вариант */ım/* – в 16 случаях (после негубных, лишь однажды после *o*). Итого 67 раз выступают после негубных гласных губные варианты аффикса, но в 22 случаях отмечены уже и негубные варианты. Процесс "сингармонизации" аффикса, таким образом, идет. Фиксирует автор и так называемые "Reaktionserscheinungen", т.е. явления, которые идут вразрез с общим направлением развития, как, допустим, в данном случае форма *yol-ım-ı* (негубной вариант аффикса после губного гласного корня!) [41, с. 402].

Л. Юхансон, широко использующий, наряду со своими собственными наблюдениями, работу Г. Хазаи (как и других авторов), не принимает, однако, его теоретических посылок, выявляя определенные противоречия. Так, по данным Г. Хазаи, приватив аффикс +*sUz* (см. выше: № *U*-13) к середине XVII в. полностью делабиализовался, причем негубные варианты аффикса следовали даже за губными гласными *O* и *U*, что автор справедливо оценил как иллабиально направленную унификацию [41, с. 401]. Но если делабиализация заходит так далеко, что становится всеохватной, то не означает ли это, что тенденция к лабиальной гармонии, которая выступала в качестве побуждающего фактора, путем именно устранения этой гармонии противодействует сама себе, превращается в свою противоположность, что нелегко себе представить [42, с. 58].

Концепция самого Л. Юхансона сложнее. Он говорит о трех последовательных ступенях, которыми отмечено развитие аффиксальных морфем рассматриваемого класса и которые он называет ступенями Р(елевантности), И(ндифферентности) и А(ссимиляции) [42, с. 33 сл.] (см. также [43, с. 36 сл.]). Для Р-ступени характерно наличие у аффикса стабильного губного (и только губного) варианта, что обеспечивает релевантность губному гласному, который, не утрачивая лабиальности до окончания Р-ступени, переходит лишь из разряда широких гласных (*o*, *ö*) в узкие (*u*, *ü*). Переход к И-ступени означает, что гласный аффикса утратил присущую ему ранее лабиальность и на его месте возник некий "индифферентный" (нейтральный) гласный, который можно условно обозначить символом Э (или ə). Лишь после этого начинается ступень Ассимиляции, когда фонологическое различие между губными и негубными гласными, входящими в состав тех или иных формантов, нейтрализуется, т.е. появляется узкая архифонема, обозначаемая символом /∓ГУБНОСТЬ/, с альтернирующими вариантами, каждый из которых автоматически определяется характером гласного предшествующего слога. Такова, в краткой обрисовке, схема, вслед за изложением которой автор подробно анализирует развитие пяти

обособленных групп аффиксов и каждого форманта в отдельности. Однако предложенная схема не кажется нам убедительной.

Прежде всего, хотя ступень Релевантности действительно существовала, однако характер гласного (*гб/нгб*) определяется на Р-ступени исключительно качеством гласного того знаменательного (позже служебного) слова, которое явилось этимоном данного аффикса, о чем говорилось выше (1,1; 4). Так, если морфемы страдательного залога *-(X)K-* и *-(X)l-* (как и аффикс императива *-Kll/-Gll*) восходят к глаголу *kıl-* "делать", то предполагать на Р-ступени наличие губного гласного в этих формах нет оснований. Между тем, в отдельных примерах, где в частности фиксируются залоговые формы типа *sävün-*, *gonderulup* и т.п., автор видит именно реликты Р-ступени [42, с. 65].

Большие сомнения порождает ступень И(ндифферентности), которая, как нам представляется, в одних случаях должна быть скорее признана обязательной составляющей ступени А(ссимиляции), а в других вообще является фикцией. В ситуации, когда за негубным гласным основы следует губной гласный или, наоборот, за *гб* основы следует *нгб* в составе аффикса и наметился процесс ассимиляции, процесс этот не может осуществиться сразу же, единым прорывом к новому состоянию; неизбежен довольно длительный период, когда гласный аффикса уже как бы утратил свое прежнее качество, но еще по-настоящему не обрел нового. Здесь-то и появляется какой-то "индифферентный" звук, типа, например, *e* в формах *degyister-* "менять" при переходе от *degiştur* к *degiştir* или *kessdek* "мы отрезали" [42, с. 44] при переходе от *kesduk* (*kestük*) к *kestik*. Говорить в этих случаях об особой "ступени" хотя и можно, но вряд ли целесообразно. Не могут быть, конечно, отнесены к И-ступени случаи, когда "нейтральный" гласный обнаруживается в безударном слоге (где он, собственно, и в современном языке обычно сохраняет значительную акустическую неопределенность). Показательно, что наряду со многими формами типа *ешиенden*, *ormanenda*, *elendadur* и проч. [42, с. 40], автор приводит лишь одну форму, где притяжательный аффикс ударен, а гласный как бы нейтрален (*ade* "его имя" [с. 42, сн. 20]), но, по свидетельству исследователя (В. Монтейля), это *e* равноценно *ı*.

Особое место следует отвести с о е д и н и т е л ь н ы м гласным, которые, как мы это видели выше (см. 4.) на примере деепричастного аффикса *-ap~-ıp*, легко меняют в определенных пределах свое качество (например, широкий – узкий).

Наконец, по-видимому, вообще не может идти речи о ступени И в тех случаях, когда последний гласный основы и ударный гласный форманта принадлежат к одному и тому же типу (например, оба *гб* или оба *нгб*). Если, допустим, аффикс *-mlş*, относящийся к *l*-группе, позже входит в фазу ассимиляции, то это не значит, что наряду с формами типа *unudulmiś* (Р) → *unudulməś* (И) → *unutulmuś* (А) пройдет те же ступени эта же морфема, присоединенная к основе любого другого глагола. Так, если *guelmich* [42, с. 39] – форма прошедшего неочевидного времени, характерная для Р-ступени, то, не претерпевая никаких изменений и не проходя, разумеется, И-ступени, этот же глагол в той же форме предстанет и на ступени А(ссимиляции): *gelmiş*. В противном случае пришлось бы вообразить себе процесс *gelmiş* (Р) →*ġelməś* (И) → *gelmiş* (А)...

Оценим теперь действенность схемы, предлагаемой Л. Юхансоном, на примере проводимого им анализа исторического развития одной из форм – адъективного аффикса, восходящего к древней форме *+l°g*. Эта форма по классификации автора попадает в группу 3а, куда включены морфемы, бывшие уже в древнетюркском языке сингармоничными, но ранее предположительно содержавшие в своем составе г у б н о й гласный (ср. выше: 4), каковым обследуемый формант и представлен в староосманском языке. По данным Харшани-Хазаи [41, с. 400] аффикс *+ll* в середине XVII века на 90% делабиализован, причем примерно одну треть всех употреблений форманта (71 из общего числа 209) составляют случаи, где за *гб* основы следует *нгб*

аффикса (*fundukli*, *turli* и т.п.). Очень трудно рассматривать это как Reaktionserscheinung (по Г. Хазаи), но и позиция Л. Юхансона столь же уязвима. В формах с губным гласным, которые, по данным анонимного турецкого словаря, обследованного А. Бодроглигети, доминировали в Исфагане еще в конце XVII века, т.е. в формах типа *ätäklü*, *qizlü* [44, с. 24], Л. Юхансон видит затянувшуюся Р-ступень, а в выше упомянутых формах типа *fundukli*, *turli* – И-ступень, предшествующую ступени Ассимиляции, обозначившейся лишь к концу XVIII века. Хотя характерный для И-ступени нейтральный гласный (*Ə*) в форме на *+lI* никем из исследователей не фиксируется, автор теории предполагает, что он все же должен был быть, в связи с чем пишет: "Так как в этой нейтральной форме гласный оказывается в ауслауте, то его фонетическая редукция проявляется, правда, не столь четко, чтобы получить отражение в графике" [42, с. 56–57]. Впрочем, независимо от того, проявлял ли себя в названных и им подобных формах "нейтральный звук", эти формы, представляющие ступень И, должны были через некоторое время трансформироваться в сингармонизованные формы типа *funduklu*, *türlü* (ступень А). Но в таком случае приходится предположить, что цикл развития завершился в XVIII веке той же самой формой, которой он и начался и которая существовала в этом же языке несколько веков назад; представляя, однако, в то время ступень Релевантности: *funduklu* → *fundukli*(*ə̇*) → *funduklu*... Если же предполагать, что, с одной стороны, издавна существовали (и продолжали существовать) формы типа *funduklu*, *türlü*, а с другой – отпочковавшиеся от них (и на этом завершившие свое развитие) формы *fundukli*, *türli*, то тогда не ясно, почему речь идет о т р е х последовательных ступенях развития... (см. в связи с этим 7.2).

7. Третья гипотеза. Поскольку по вопросу, обследуемому в этой статье, свои теоретические взгляды высказали – насколько нам известно – только г. Хазаи и Л. Юхансон, гипотеза, которую мы хотим здесь изложить, будет в этом ряду третьей.

7.1. Ч е т ы р е (д в е) г р у п п ы м о р ф е м к л а с с а Р. Символ Р, предложенный Л. Юхансоном для обозначения древнейшей ступени развития тюркских аффиксальных морфем (и, соответственно, древнейшего состояния каждой существующей морфемы), как уже говорилось выше (см. 6), заслуживает принятия. На Р-ступени (которую бóльшая часть тюркских морфем прошла в додревнетюркский период – между пратюркским и древнетюркским, подчас задолго до VII–VIII вв. н.э.) аффиксальные морфемы Р-класса подразделялись, по-видимому, на четыре подкласса: подкласс P^1, в который входили аффиксы с узкими н е г у б н ы м и гласными (*i* или *ı*), подкласс P^2, включавший аффиксы с узкими г у б н ы м и гласными (*u*, *ü*)... Именно эти два подкласса нас в данном случае интересуют, но назовем и два других: P^3 (гласные *a*, *e*), P^4 (гласные *o*, *ö*). Попутно отметим, что, по нашим данным, количество этимонов, содержавших широкие губные гласные *o* или *ö* – и позже превратившихся в аффиксы, – было очень невелико (не более 8% от общего их числа), и именно это обстоятельство, по-видимому, привело к тому, что второй и последующие слоги слова в большинстве тюркских диалектов, позже языков, оказались закрыты для этих гласных, так что четвертый подкласс, едва возникнув, распался. Предполагаемое былое преобладание широких губных гласных над узкими [42, с. 36–38] применительно к руническим памятникам, тем более в морфологической части слова [43, с. 32], весьма сомнительно. В пратюркском же языке (т.е. за тысячу и более лет до эпохи создания рунических памятников), возможно, были представлены именно широкие губные гласные. Правда, без дополнительного подтверждающего материала эта гипотеза (ср. еще [27, с. 39, 41, сн. 23]) вряд ли может быть принята.

Перечислим теперь, не вдаваясь в детальное обсуждение вопроса, о с н о в н ы е морфемы подклассов P^1 и P^2.

П о д к л а с с P^1: 1. *+çI*, 2. *+nI*, 3. *+(s)I*, 4. *-mIš*, 5. *-KIl/-GIl* (Эти аффиксы в древнетюркском языке составили *I*-группу (см. 1); к P^1 относится также значительная

часть аффиксов, позже вошедших в *X*-группу:) 6. *-Il-*, 7. *+lIG*, 8. *+sIz*, 9. *+lIK* (?). Отметим, что в классификации Л. Юхансона аффиксы 7 и 8 включены в класс 3а [42, с. 55 сл.], так как в староосманском ("западноогузском") они содержали губные гласные. Что касается притяжательных аффиксов (*+°m*, *+°n*...), деепричастного аффикса *-°p* и некоторых других, то они, как мы полагаем, вообще не входят в класс *P*, так как наличествующий в них гласный был не этимологическим, а с о е д и н и т е л ь н ы м ("промежуточным") или же развившимся из широкого негубного гласного (род. пад.: *+nIñ* < *neñ* "вещь").

П о д к л а с с P^2: 1. *-TUK*, 2. *-TUr-*, 3. *-sUn* (*-zUn*, *-şUn*?), 4. *-yUr*, 5. *-yUK*, 6. *mU* (Форманты, составившие в древнетюркском языке *U*-группу; из *X*-группы к подклассу P^2 относятся только:) 7-8. *-Uş*(-).

7.2. Т р и (д в а) н а п р а в л е н и я р а з в и т и я. Возникшие морфемы в дальнейшем подвергались различным изменениям, т.е. развивались. Можно назвать три направления их развития или, точнее, два, поскольку третье сводится к сохранению первоначального статуса, то есть "направлением" не является. Тем не менее именно об этом консервативном "направлении" стоит упомянуть в первую очередь, поскольку оно оказалось достаточно жизнеспособным. Так, аффикс понудительного залога *-tUr-/-dUr-* возник, несомненно, за сколько-то сотен лет до появления первых рунических памятников, однако почти два тысячелетия спустя обнаруживаем в современных турецких диалектах такие формы, как *sığduramamış*,*sıkışdumışla*, *galdumuş*, *indürüsem* и т.п. (вил. Кастамону), *barışdürün*, *barışdürmiş*, *geçürür* и пр. (вил. Чанкыры) [45, с. 3 сл., 88 сл.], *gaçurdula*, *yaturdu*, *yapdurup* и т.д. (вил. Болу) [46, с. 164 сл.] и др., т.е. формы, где губной гласный по-прежнему является неотъемлемым признаком данного залогового аффикса. То же самое можно сказать о форманте имени действия (исторически – аффикс прошедшего времени) *-tUK/-dUK* – ср. примеры типа: *inandığu*, *içdukden*, *kesdığu*, *dilediğnu* (Кастамону),*beyendünü*, *dedüklerini* (Болу), *sevdüvüm*, *gitdüğün*, *dedümü* (Зонгулдак) [46, с. 181 сл.] и т.п. Нетрудно привести аналогичные примеры, касающиеся таких, например, форм, как *-sUn* или *-Ur*. С другой стороны, вопреки мнению Т. Бангуоглу [47, с. 31] (ср. [42, с. 41]), до нашего времени сохранились в некоторых диалектах и отдельные формы, присущие подклассу P^1. Достаточно назвать фиксируемые А. Джафероглу в вилайетах Эрзурум и Чорух формы типа *yoli*, *düşmiş*, *ekdurmişim*, *borçli* и т.д. [48, с. 186 сл., 224 сл.] или похожие формы, отмечаемые Я. Экманом в турецком говоре македонийского местечка Динлер [49, с. 189 сл.]. Возвращаясь к словоформам типа *fundukIt*, *turlI* (см. 6), следует заметить, что такая форма этого аффикса (т.е. *+lI*) не может считаться "нейтральной"; именно в этой форме аффикс *+l°* (утративший конечный согласный *ġ*) сохраняет свою принадлежность к подклассу P^1; для отнесения его к подклассу P^2 ясных оснований не видно.

Переходя от "консервации" аффиксов к их р а з в и т и ю, отметим, что оно шло в двух направлениях. Главным направлением, безусловно, является сингармонизация, т.е. для морфем подкласса P^1 появление г у б н ы х, а для морфем подкласса P^2 – н е г у б н ы х вариантов аффиксов, что и привело к становлению "сингармонической" группы морфем, представленной уже в древнетюркском языке. Эта группа, однако, уже не входит в класс P, так как гармонизованные морфемы не могли появиться на стадии в о з н и к н о в е н и я аффиксальной системы.

Второе направление в развитии тюркских аффиксальных морфем ф о р м а л ь н о можно оценить как смену подкласса ($P^1 \rightarrow P^2$ или $P^2 \rightarrow P^1$), но фактически такая смена означает выход данной морфемы из класса P, поскольку только сохраняющаяся связь с этимоном обеспечивает гласному релевантность; здесь же эта связь как раз утрачивается.

Таким образом, для морфемы подкласса P^1 возможны три пути: 1) сохранить статус морфемы данного подкласса (P^1), 2) выйти из класса P и войти а) в группу *X* или б) в группу *U*.

P (±)	исходный вариант морфемы гласный (*нгб, гб*)	лексическая основа (образец)	гласный основы (*нгб, гб*)	присоединяемый вариант морфемы	гласный морфемы (*нгб, гб*)	итоговое состояние (гармония гласных)	группа аффикса
P^1	*+sIz нгб*	*at* "лошадь"	*нгб*			частичная	*I* (*ı, i*)
+	("без")			*+sIz*	*нгб*	дисгармония (разряд *гб*)	1-ая
		kol "рука"	*гб*				
–		*at*	*нгб*			частичная	U (u, ü)
				+sUz	*гб*	дисгармония (разряд *нгб*)	2-ая
		kol	*гб*				
–		*at*	*нгб*	*+sIz*	*нгб*	полная	*X* (*ı, i, u, ü*)
		kol	*гб*	+sUz	*гб*	гармония	3-ая
P^2	*mu гб*	*at*	*нгб*			частичная	*U* (*u, ü*)
+	("ли?")			*mU*	*гб*	дисгармония (разряд *нгб*)	*2-ая*
		kol	*гб*				
–		*at*	*нгб*			частичная	*I* (*ı, i*)
				mI	*нгб*	дисгармония (разряд *гб*)	1-ая
		kol	*гб*				
–		*at*	*нгб*	*mI*	*нгб*	полная	*X* (*ı, i, u, ü*)
		kol	*гб*	*mU*	*гб*	гармония	3-ая

Морфема подкласса P^2 обладает mutatis mutandis теми же вариантами развития (1) P^2, 2) *X* 3) *I*). На этом возможности развития аффиксов, вошедших в группы морфем *I, U* или *X*, исчерпываются. Никакого третьего этапа, т.е. третьей ступени развития, не просматривается.

Сказанное можно представить в виде схемы (на примере двух форм – *sIz* и *mU*) (см. схему выше).

Можно видеть, что в результате развития исходного варианта морфемы может возникнуть аффикс, характеризующийся либо частичной дисгармонией гласных, либо полной гармонией (группа третья). Из четырех теоретически возможных вариантов развития морфем как в подклассе P^1, так и в подклассе P^2 нереализованным остается только один – вариант полной дисгармонии (когда за *нгб* основы следовал бы *гб* аффикса, а за *гб* основы – *нгб* аффикса).

7.3. Старотурецкий, османский: дополнительные данные. Если с XIII по XVIII век группа *U* была представлена в турецком языке не менее чем двадцатью аффиксами и еще десяток составлял *I*-группу, а *X*-группа практически отсутствовала, то как понять ее неожиданный триумф в конце XVIII столетия? Приходится предположить, что какие-то данные нами недоучитываются.

Заметим, что турецкие писатели и поэты средневековья – то же следует сказать и о тюркских авторах предыдущих эпох – были людьми впечатляющей грамотности. Они писали так, как это было принято (предписано?), и обычно ни на иоту не отклонялись от традиционной орфографии, т.е. педантично следовали узусу книжно-письменного языка. Тем не менее, "неправильные" формы, хотя и очень редко, проникали в отдельные тексты, доказывая тем самым, что в речи они есть (были), что они существуют (существовали).

Так, научный трактат Шерефеддина "Cerrahiye-i İlhaniye" (1465 г.) пестрит обычными для староосманского языка формами второй группы (*-DUK, -DUr-, -sUn, -Ur, +(n)Ung, +lU, +sUz, +CUK, +DUr, -AlUm, -AvUz* и некотор. др.); афф. *+l°K* подчиняется здесь закону гармонии гласных, а аффиксы страдательного, возвратного и

совместного залогов входят в группу *I* (*boğılur* 312_4, *görinür*(*se*) 294_9, 115_4 и т.д.). Внимание привлекает к себе деепричастие на *-Ub*: ***idüb***, ***işleyüb***... – такое написание считалось обязательным до перехода на новый (латинизированный) алфавит (в 1928 г.), хотя оно давно не соответствовало орфоэпической норме. В тексте Шерефеддина, особенно в парижской рукописи, писанной самим автором, по-видимому, для султана Мехмеда Фатиха, не менее пяти раз встречается иллабиальная форма этого деепричастия (***bilib***, ***çıkıb***...), что, по словам издателя и комментатора В. Кылычоглу, указывает на "(начавшуюся) еще в тот период делабиализацию губных гласных" [17, с. 24]. В другом сочинении того же автора ("Mücerrebnâme") многократно встречается форма 1 лица ед. числа прошедшего времени *-DIm* (при "норме" *-DUm*), причем закон гармонии иногда соблюдается (***didim***, ***olmadım***), а чаще нарушается – теперь уже в сторону делабиализации узкого гласного (***düzdim*** /вм. ***düzdüm***/, ***dürtdim***, ***soyundım***, ***gördim***, ***yoldım*** и т.д. [17, с. 78–80].

Следует заметить, что издатели турецких рукописей иногда "осовременивают" старотурецкий язык [50; 51], подчас даже не предупреждая об этом читателя [52]. Встречается, впрочем, и обратная тенденция. М. Мансуроглу, публикуя турецкие стихи Джелаладдина Руми, в соответствии с произносительно-орфографическими нормами староосманского языка огубляет в транскрипции многие грамматические формы (***sinüñ elüñden***, ***benüm ḳatumdan*** и т.д.) [53, с. 107 сл.; 54, с. 213 сл.], однако в оригинале подчеркнутых гласных ни в одном случае нет (огласовок не видно); учитывая же наличие в рукописи R негубного гласного в словоформе ***yoldaşım*** (481 b), а также вероятность того, что поэт, родившийся в самом начале XIV века в одном из тюркоязычных районов Ирана, мог и игнорировать некоторые нормы письменного анатолийско-турецкого языка (о чем свидетельствует, например, употребление им не характерных для этого языка форм типа ***bolgay***), приходится поставить под вопрос правильность транскрипции издателя.

Употребляет глагол *bol-* (вместо *ol-*), а также нередко *er-* (вместо *i-*) живший тоже в первой половине XIV века Якут Арслан, осуществивший перевод с персидского языка "Книги предписаний" ("Feraiz kitābı"). Его небезупречный, но тем не менее турецкий (османский) язык обращает на себя внимание тем, что здесь мы не находим лабиализованных форм многих аффиксов, таких как: афф. принадлежности 2 лица мн. ч. (***başıngız*** 599), афф. 2 лица императива (***ḳılıng*** 599), афф. прошедшего времени (***ḳıldım*** 9), деепричастного аффикса (***yatıp*** 624), приватива аффикса (***rahimsiz*** 549, ***arısız*** 612, ***abdestsiz*** 618), афф. родительного падежа (***anıng*** 12, ***ering*** 559, ***oglınıng*** 306, ***atasınıng anasınıng*** 329, 330) [55, с. 62 сл.] – ср. с этим стопроцентную лабиализованность показателя генетива в языке XVII века (!) у Харшани [41, с. 404].

Можно ли говорить здесь о "начавшейся еще в тот период делабиализации губных гласных" (ср. [17, с. 24], см. выше)? Очевидно, что в диалекте, который нашел отражение в этом произведении, никакой лабиализации вообще не было. В Анатолии и Румелии постоянно сосуществовали три типа говоров (условно употребляя этот термин для обозначения некоторых наддиалектных различий) – лабиализованный, сингармонизованный (преимущественно) и делабиализованный (частично), разумеется, без четких границ между ними. Лабиализованный говор доминировал (именно он реализовался в письменной речи), но и два других говора оставили определенные следы в истории турецкого (османского) языка. Эти следы, помимо "Feraiz Kitābı", достаточно четко проявляют себя, в частности, в армянском транскрипционном тексте Иеремиа Челеби, который был современником Харшани. Г. Хазаи отмечает, что Харшани семь лет прожил в Турции, при этом несколько лет в Стамбуле, и его книга надежно воспроизводит разговорный язык стамбульцев его времени [56, с. 14, 15]. Однако, пишет Э. Шютц, И. Челеби всю жизнь прожил в Стамбуле, и его записи, конечно, не в меньшей мере отражают турецкий язык его современников [57, с. 420].

Деепричастный аффикс характеризуется, правда, в его тексте в основном ла-

биализованным вариантом (*yalvarub*, *čekilub*, *idub* и т.д.), что, возможно, является данью письменной традиции (впрочем: *čıkab* 519_{25}, *varıb* 520_{1}, *alıb* $520_{13,23}$...), трижды употреблен губной вариант родительного падежа в слове *hazretleri* "его превосходительство" (*hazretlerinun*), но в основном для текста характерны сингармонизованные или даже делабиализованные формы аффиксов, как это видно по таким примерам: (прошедшее на *-d°*) *buyurdunuz* 521_{20}, *buyurdınız* 518_{7}, (прошедшее на *-m°ş*) *tutmuš*, *olunmuš*, *kalmıšız*..., (афф. принадлежности) *sultanïm*, *dostïmïz*, *mektubïnïzde*, *saadetïnïz*, *latifelerïnïz*..., (афф. генитива) *sultanïmïn*, *bendezadenïzïn*, *senïn*, (афф. 3 лица императива) *okusunler*, *aŋïsïnler*, *tepsïnler*, (афф. сказуемости 3 л.) *budïr*, *mumdïr*, *olmïšdïr*, (афф. имени действия) *dedigi*, *olduγï*, *bulunmadïγïnden* [57, с. 426 сл.].

Итак, в османском языке процесса сингармонизации (будь то в виде Р → А или Р → И → А) практически не было, так как лабиализованность узковокалических постфиксов не носила здесь тотального характера, распространяясь лишь на одну (правда, бóльшую) часть османских диалектов; другая их часть (почти не получившая отражения в письменных памятниках) искони оставалась сингармонизованной (преимущественно)[3] и(ли) частично делабиализованной. Сам же сингармонизованный (преимущественно) говор зафиксирован еще памятниками древнетюркской письменности, и его зарождение относится к доисторическому времени. Этот говор никогда не "исчезал" в юго-западном регионе, так же как, впрочем, не исчез здесь и лабиализованный говор. Выше (см. 7.2) приводились отдельные примеры диалектной речи жителей северных вилайетов Турции (Кастамону, Чанкыры, Зонгулдак, Болу, Чорух и др.). А вот как изображается в сборнике под названием "Лучшие анекдоты причерноморья" (En güzel Karadeniz fıkraları. İstanbul) речь жителей восточного причерноморья (вилайет Ризе): "*Uyyy, matem ad bulamayisunuz uga verun penum adimu. Pen buntan sonra atsuz yaşamaya çalişirum*" (s. 8)(= *Uyy, madem ad bulamıyorsunuz, ona, verin benim adımı*. Ben bundan sonra adsız yaşamaya çalişırım.) "Оxx.. Раз не можете найти ему имени, (от)дайте мое имя. А я уж после этого попробую жить без имени". Вероятно, речь черноморца здесь несколько утрирована; тем не менее "избыток" аффиксов *U*-группы (в сравнении с литературным произношением), безусловно, не может не бросаться в глаза.

7.4. Спонтанное развитие и принятие. Секрет достаточно быстрой "переориентации" турецкого языка с отходом от лабиализованных постфиксальных форм и переходом к сингармонизованной речи невозможно изъяснить, исходя из теории спонтанного развития (с которой по существу согласуются концепции Г. Хазаи и Л. Юхансона). Существенное различие между спонтанным, самопроизвольным развитием и вполне осмысленным, сознательным, требующим немалых индивидуальных усилий (по преодолению ошибок) принятием того, что представляется говорящему более правильным, соответствующим норме, разумеется, хорошо известно языковедам, но практически далеко не всегда принимается в расчет.

Оценивая языковую ситуацию в средневековой Турции, отметим, что, начиная с XII–XIII веков (возможно, и ранее) в Анатолии преобладали лабиализованные говоры, т.е. те, в которых ведущую роль играла вторая группа узковокалических морфем. В то же время в окрестностях Константинополя-Стамбула сосредоточились представители сингармонизованного и делабиализованного (отчасти) говоров, прищедшие сюда из Анатолии, а также, по-видимому, минуя Анатолию, северным путем. Разумеется, с завоеванием Стамбула Мехмедом Вторым (1453 г.) его жителями стали и анатолийцы, составлявшие, в частности, окружение султана. Наследниками престола были выходцы из Анатолии, особенно северных ее районов, в которых издавна господствовал лабиализованный говор [58]. Известно, что внук завоевателя Стамбула Селим Первый родился в Амасии и до сорока пяти лет был губернатором

[3] В этих диалектах процесс сингармонизации продолжался, охватывая собой ранее не сингармонизированные формы (*-DUK*, *-DUr-*, *-sUn* и пр.).

Трабзона; в Анатолии прошли детство и молодость его сына Сулеймана Великолепного. Язык султана и его окружения – скорее всего типично "анатолийский" – безусловно, должен был считаться образцовым. Но в самом Стамбуле это оказался язык меньшинства населения города. Завязавшаяся здесь междиалектная борьба завершилась победой сингармонического говора. Речь в этом случае могла идти, разумеется, только о вполне сознательном переориентировании на новые орфоэпические нормы со стороны представителей лабиализованного говора, но ни в коем случае не о его спонтанном развитии в направлении сингармонизма.

Более или менее очевидно, что транскрипционные тексты, – в частности, Надь де Харшани – отражали не столько реальную картину разговорной речи стамбульцев того периода времени, которая была, конечно, весьма пестрой, сколько предпочтение, отдававшееся лично автором тому или иному выговариванию того или иного форманта. Так, притяжательные аффиксы, тем более аффикс родительного падежа Харшани предпочитает произносить "по старинке", в огубленном варианте, а вот его современник Е. Челеби не приемлет такой артикуляции, как, впрочем, и живший на три столетия раньше Якут Арслан. Как мы знаем, их выговор оказался ближе к произношению значительного большинства стамбульцев, которое, по-видимому, в восемнадцатом столетии окончательно стало орфоэпическим.

8. Выводы.

1. Исторически тюркские аффиксы, в состав которых входили узкие гласные (класс Р) – если их нельзя было отнести к числу соединительных, – членились на два подкласса: $Р^1$ – с негубным гласным, $Р^2$ – с губным гласным, в зависимости от того, какой тип гласного содержал этимон данной морфемы.

2. В дальнейшем возникают три группы аффиксов. Основу первой группы (*I*-группы) составляют морфемы подкласса $Р^1$, однако здесь могут оказаться (в результате процесса делабиализации) и некоторые морфемы бывшего подкласса $Р^2$. Вторую группу (*U*-группу) составляют морфемы бывшего подкласа $Р^2$, а также лабиализовавшиеся морфемы, изначально относившиеся к подклассу $Р^1$. Третью группу (*X*-группу) образуют морфемы, изначально входившие в один из двух подклассов ($Р^1$ или $Р^2$), но в дальнейшем подпавшие под действие лабиально-иллабиальной гармонии. Как правило, такие сингармонизированные аффиксы (в языке, где существуют все три группы) относятся к числу "старых", давно образовавшихся.

3. В зависимости от того, аффиксы какой группы преобладают в данном диалекте (или языке), можно говорить о (преимущественно) сингармоническом, лабиализованном или делабиализованном говорах. Древнетюркский язык, как и язык большей части памятников среднеазиатского региона XIII–XV веков, был частично сингармоническим; правда, *U*- и *I*-группы аффиксов также играли там заметную роль.

4. Некоторые документы, хотя и немногочисленные, доказывают, что в XIII–XVIII вв. в Анатолии и Румелии существовали (продолжали существовать) сингармонический (преимущественно) и делабиализованный (частично) говоры. Однако письменная речь в основном отражала особенности доминировавшего лабиализованного говора, который не проявлял никаких тенденций к сближению с двумя другими говорами. Таким образом, предполагавшиеся исследователями процессы (Р → А или Р → И → А (см. 6)) в действительности носили очень ограниченный характер.

5. К восемнадцатому веку преобладающее место в Стамбуле – а следовательно, и в письменно-литературном языке Турции в целом – завоевал сингармонический говор. Однако это было результатом не спонтанного процесса, а процесса принятия новой орфоэпической нормы представителями лабиализованного говора, которые в Стамбуле оказались в меньшинстве.

6. В современной Турции сосуществуют говоры трех типов. Однако письменный язык (если не считать диалектологических записей) отражает только нормы сингармонизованного говора, т.е. литературного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gabain A. von* Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.
2. *Bombaci A.* Probleme der historischen Lautlehre der türkischen Sprache // UAJ. B. XXIV, Hf. 3–4. 1952.
3. *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.
4. *Дмитриева Л.В.* Хуастуанифт. (Введение, текст, перевод) // Тюркологические исследования. М.-Л.. 1963.
5. *Timurtaş F.K.* Şeyhî ve çağdaşlarının eserleri üzerinde gramer araştırmaları. I. Ses bilgisi // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı (далее: TDAY), Ankara, 1960.
6. *Gabain A. von.* Zur Geschichte der türkischen Vokalharmonie // UAJ. B. XXIV, Hf 1-2, 1952.
7. *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. С.-Пб., 1897.
8. *Кузнецов П.И.* О происхождении форм второго лица повелительного наклонения в тюркских языках // Вопросы советской тюркологии. Материалы IV Всесоюзной тюркологической конференции. Ч. I. Ашхабад, 1988.
9. *Timurtaş F.K.* Eski Anadolu Türkçesi // Türk Dünyası El Kitabı. Ankara, 1976.
10. *Гузев В.Г.* Староосманский язык. М., 1979.
11. *Ergin M.* Dede Korkut Kitabı. II. Indeks – Gramer. Ankara, 1963.
12. *Kut (Alpay) G.* Gazalî'nin Mekke'den İstanbul'a yolladığı mektup ve ona yazilan cevaplar // TDAY-Belleten 1974. Ankara, 1974.
13. *Смирнов В.Д.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. С.-Пб., 1903.
14. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.
15. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.
16. *Timurtaş F.K.* Şeyhî'nin Hüsrev ü Şirin'i. İnceleme– metin. İstanbul Üniversitesi, 1963.
17. *Kılıcoğlu Vecihe.* Cerrahiye-İlhaniye. Ankara, 1956.
18. *Ahmed Fakih.* Kitâbu Evsâfı Mesâcidi'ş-Şerîfe / Yayımlayan. Prof. Dr. Hasibe Mazıoğlu. Ankara, 1974.
19. *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв. М., 1963.
20. *Ахметгалеева Я.С.* Исследование тюркоязычного памятника "Кисекбаш китабы". М., 1979.
21. *Щербак А.М.* Огуз-нāме. Муҳаббат-нāме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.
22. *Хорезми.* Муҳаббат-нāме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н. Наджипа. М., 1961.
23. *Ходжанди.* Латафат-наме. Книга о красоте. Введение, транскрипция текста, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э.И. Фазылова. Ташкент, 1976.
24. *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (юго-восточный регион). М., 1982.
25. *Kissling H.J.* Die Sprache des Ašikpašazade. Breslau, 1936.
26. *Кузнецов П.И.* Возникновение и значения тюркских претеритов // Советская тюркология, 1981, № 5.
27. *Кузнецов П.И.* Глагол *тур-* (*мар-*) и понудительный залог // Советская тюркология, 1985, № 6.
28. *Кузнецов П.И.* Генезис тюркского аориста // Советская тюркология, 1980, № 6.
29. *Кузнецов П.И.* Инвариантные значения и происхождение тюркских залоговых форм // Тюркология. Баку, 1992, № 2.
30. *Shaw R.B.* A sketch of the Turki language as spoken in Eastern Turkistan (Kashghar and Yarkand). Calcutta, 1880.
31. *Кузнецов П.И.* Семантика и реконструкция тюркского деепричастия на -(°)b, -(°)p, -(j)°p // Советская тюркология, 1983, № 1.
32. *Кузнецов П.И.* Этимологии семи тюркских именных словообразовательных аффиксов (-ӡу, -ӡуq, -ӡа, -ly, -lyq, -syz, -упӡу) // Вестник шелкового пути. Вопросы тюркской филологии. Вып. II, М., 1993.
33. *Kowalski T.* Dialectes türks-osmanlis // Encyclopédie de l'Islam. T. IV. Leiden. 1934.
34. *Mansuroğlu M.* Sultan Veled'in Türkçe Manzumeleri.İstanbul , 1958.
35. *Фазылов Э.* Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Т. II. Ташкент, 1971.
36. *Zajączkowski A.* Studja nad językiem staroosmańskim. Kalili i Dimny. Kraków, 1934.
37. *Zajączkowski A.* List turecki Sulejmana I do Zygmunta Augusta w owczesnej transkripciji i tłumaczeniu polskiem z r. 1551 // Rocznik Orjentalistyczny. 1936. T. XII.
38. *Németh J.* Die türkische Sprache in Ungarn im siebzehnten Jahrhundert. Budapest, 1970.
39. *Viguier M.* Élémens de la langue turque. Constantinople, 1790.
40. *Carbognano C. Comidas de.* Primi principi della grammatica turca. Roma, 1794.
41. *Hazai G.* Das Osmanisch-türkische im XVII Jahrhundert. Untersuchungen an der Transkriptionstexten von Jakab Nagy de Harsány. Budapest, 1973.
42. *Johanson L.* Linguistische Beiträge zur Gesamtturkologie. Budapest, 1991. S. 26–70.
43. *Грунина Э.А.* Историческая грамматика турецкого языка (Морфология). М., 1991.

44. *Bodrogligeti A.* On the turkish vocabulary of the Isfahan anonymous // Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. T. XXI. Budapest, 1968.
45. *Caferoğlu A.* Anadolu ağızlarından toplamalar. İstanbul, 1943.
46. *Caferoğlu A.* Anadolu illeri ağızlarından derlemeler. İstanbul, 1951.
47. *Banguoğlu T.* Altosmanische Sprachstudien zu Süheylü Nevbahar. Breslau, 1938.
48. *Caferoğlu A.* Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar. İstanbul, 1942.
49. *Ecknann J.* Dinler (Makedonya) Türk ağzı // TDAY – Belleten, 1960. Ankara, 1960.
50. *Seyyad Hamza.* Yusuf ve Zeliha. Nakleden D e h r i D i l ç i n. İstanbul, 1946.
51. *Şerefeddin M.* Mevlâna'da türkçe kelimeler ve türkçe şiirler // Türkiyat Mecmuası. C. IV. İstanbul, 1934.
52. *Uzluk F.N.* Karaman Oğulları Hakkında İki Ağıt // TDAY. Belleten, 1962. Ankara, 1963.
53. *Mansuroğlu M.* Calaladdīn Rūmī's türkische Verse // UAJ, 1952. B. XXIV, Hf. 3–4.
54. *Mansuroğlu M.* Mevlâna Celâladdin Rumî' de Türkçe beyit ve ibareler // TDAY. Belleten 1954. Ankara, 1954.
55. *Tekin S.* 1343 tarihli bir eski Anadolu Türkçesi matni ve Türk dili tarihinde 'olga – bolga' sorunu // TDAY. Belleten, 1974. Ankara, 1974.
56. *Hazai G.* Anadolu ve Rumeli Türkçesinin bir yadigârı üzerine // XI. Türk Dil Kurultayında okunan Bilimsel Bildiriler. 1966. Ankara, 1968.
57. *Schütz E.* Jeremia Čelebis türkische Werke // Studia Turcica. Bibliotheca Orientalis Hungarica. XVII. Budapest, 1971.
58. *Huart M.Cl.* Un commentaire du Coran en dialecte turc de Qastamoûni (XVe siecle) // Journal Asiatique, 1921. 11e série, t. XVIII, № 2.